

Западом продолжает оставаться важным психологическим ограничением для азиатских социологов, однако уже начинают предприниматься серьёзные интеллектуальные усилия для преодоления этого ограничения. Например, сравнение Малайзии и Китая в аспекте восприятия кумовства¹³ могло бы положить начало движению в этом направлении.

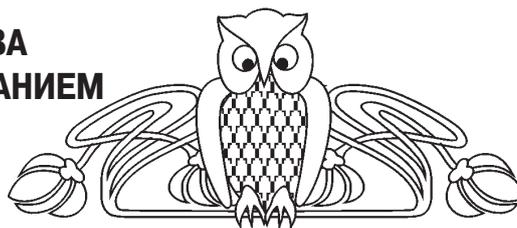
Примечания

- 1 См.: *Shinmei M.* Shakaigakushi Gaisetsu (Обзор истории социологии). Tokyo : Iwanami Shoten, 2007.
- 2 См.: *Kawai T.* Gendai Shakaigaku no Hatten (Развитие современной японской социологии). Tokyo : Koseisha-koseikaku, 2003 ; *Tominaga K.* Sengo Nihon no Shakaigaku (Социология в послевоенной Японии). Tokyo : University of Tokyo Press, 2004.
- 3 См.: *Kawamura N.* Nihon Shakaigakushi no Kenkyu (Исследование по истории японской социологии). Tokyo : Ningen-no-kagakusha, 1975. P. 28.
- 4 *Sonoda S.* Firudo to shiteno Ajia (Азия как поле) // *Ajia kara Kangaeru* (Размышления из Азии) / ed. by Hamashita T. et. al. Tokyo : University of Tokyo Press, 1993. P. 18.
- 5 *Suzuki E.* Suzuki Eitaro Chosakushu (Собрание сочинений Э. Судзуки). Tokyo : Miraisha, 1973. P. 89.

- 6 *Sonoda S.* Firudo to shiteno Ajia. P. 21.
- 7 *Takahashi A.* Fukutake Sensei no Noson Kenkyu niokeru Nihon to Chugoku (Япония и Китай в исследовании профессором Т. Фукутакэ сельского общества) // *Nicchu Shakaigakkai Kaiho* (Ежегодный бюллетень Японо-китайской социологической ассоциации), 1990. № 4. P. 49.
- 8 См.: *Fukutake T.* Fukutake Tadashi Chosakushu Bekkan : Shakaigaku 40 Nen (Собрание сочинений Тадаши Фукутакэ : К сорокалетию научной деятельности в социологии). Tokyo : University of Tokyo Press, 1976.
- 9 См.: *Lee M.* Kankoku no Shakaigaku (Социология в Коре) // *Shakaigaku Hyoron* (Японское социологическое обозрение). 1962. № 2, iss. 13. P. 93–94.
- 10 *Kobayashi K.* Kasan Kinbun Sozoku no Bunka to Chugoku Noson Shakai (Культура равного разделения собственности и китайское сельское общество) // *Mamoru Chugoku no Ie, Mura, Kamigami* (Семья, село и божеества в Китае) / ed. by Lu Yao and Sasaki. Tokyo : Toho-shoten, 1990. P. 57.
- 11 См.: *Tominaga K.* Op. cit. P. 1–5.
- 12 *Sonoda S.* Firudo to shiteno Ajia. P. 24.
- 13 См.: *Sonoda S.* Chugoku kenkyu kara Nikaku kenkyu-e (От исследования Китая к компаративному исследованию) // *AsiaBarometer Project Series*. 2006. № 4. P. 14–18.

УДК 316. 334.2

ДИНАМИКА УРОВНЯ ЖИЗНИ И НЕРАВЕНСТВА В ГОРОДЕ И СЕЛЕ: ОЦЕНКИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДАННЫХ БЮДЖЕТНЫХ ОБСЛЕДОВАНИЙ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ

В. Л. Шабанов

Институт аграрных проблем РАН, Саратов
E-mail: vic35@inbox.ru

В статье представлены оценки уровня жизни и неравенства на основе статистического анализа динамики плотностей распределения городских и сельских домашних хозяйств РФ по показателю среднедушевого денежного дохода и по показателю его соотношения с величиной прожиточного минимума.

Ключевые слова: домохозяйство, уровень жизни, неравенство, доход, прожиточный минимум, плотность распределения.

Dynamics of the Living Standard and Inequality in Urban and Rural Areas: Assessments with the Use of the Data from Household Budget Surveys

V. L. Shabanov

The paper presents assessments of the living standard and inequality on the basis of a statistical analysis of the dynamics of the densities of distribution of urban and rural households of the Russian Federation according to the average per capita money income and its relationship with the subsistence minimum.

Key words: household, living standard, inequality, income, subsistence minimum, density of distribution.

Уровень жизни — довольно сложная для определения категория. В советской науке чаще

употреблялся термин «благосостояние», которое определялось через потребности людей и способы их удовлетворения «в сфере труда, потребления, культуры, репродуктивного поведения, общественно-политической жизни»¹. В современной российской науке для характеристики благосостояния чаще употребляется нейтральный термин «уровень жизни», определение которого в качестве «меры удовлетворения основных жизненных потребностей»² предполагает операционализацию и математическую формализацию, позволяющую провести обоснованное количественное измерение.

Категория уровня жизни носит не только измерительный, но и сопоставительный характер. Для лучшего понимания и возможности оценки уровня жизни в терминах «низкий»—«высокий» необходимо проводить сравнение значений выбранных для его характеристики индикаторов во временном или пространственном аспектах, например, в разные периоды времени, между регионами, между различными группами населения.

Один из наиболее разработанных подходов к оценкам уровня жизни основан на анализе по-

казателей, характеризующих основные компоненты уровня жизни – прежде всего, доходов или других, ассоциированных с доходами, например, располагаемых ресурсов, расходов, заработной платы и т. п. В рамках подхода обычно группируются выбранные показатели, строятся динамические ряды и проводится их анализ соответствующими статистическими методами. Кроме того, вводится некоторая константа – социальный норматив, сопоставление с которым выбранных показателей уровня жизни позволяет дать его более обоснованные оценки. В качестве такого социального норматива чаще всего используется величина прожиточного минимума (ПМ), которая включает денежную оценку потребительской корзины – потребительского набора, содержащего минимально необходимое для физического и социального выживания количество продуктов питания, товаров и услуг, а также обязательные платежи и сборы. Оставаясь в натуральной форме постоянным, ПМ меняется в зависимости от изменения цен на соответствующие блага³.

К числу наиболее авторитетных научных центров, занимающихся исследованиями и оценками уровня жизни, относится Всероссийский центр уровня жизни (ОАО «ВЦУЖ», рук. В. Н. Бобков). Он проводит ежеквартальный мониторинг доходов и уровня жизни населения России, в рамках которого с использованием собственных методов отслеживаются показатели прожиточного минимума и соотношенные с ним основные виды доходов и расходов, показатели дифференциации и т.д. Все отслеживаемые ВЦУЖ показатели анализируются в разрезе федеральных округов; разрез по типу местности (город-село) не предусмотрен⁴.

Применительно к сельскому населению анализ уровня жизни, занятости, демографической ситуации и т.д. проводится в рамках ежегодного мониторинга социально-трудовой сферы села под эгидой Министерства сельского хозяйства Российской Федерации и Всероссийского НИИ экономики сельского хозяйства РАСХН. Мониторинг основывается на статистических данных Росстата и материалах обследований почти 6 тыс. сельских домашних хозяйств методом формализованного индивидуального интервью с наиболее осведомленным лицом. По его результатам Центром всероссийского мониторинга социально-трудовой сферы села ВНИИЭСХ (рук. Л. В. Бондаренко) ежегодно публикуется доклад⁵.

Исследования уровня жизни включают в себя в качестве составной части анализ неравенства. Обычно выделяют два его типа – социально-экономический и по степени доступа к благам. Для формализации второго нет общепринятых методов, но в качестве источника данных весьма эффективны бюджеты времени и показатели, косвенным образом характеризующие доступ к благу (наличие школы в сельском поселении как показатель доступности начального образования, уровень заболеваемости в группе

населения как показатель доступности для нее медицинских услуг и т.п.)⁶.

Формализация первого типа неравенства, состоящего в оценивании социально-экономической дифференциации населения или степени его расслоения, хорошо разработана. Она состоит в том, что выбирается один из показателей, считающийся наиболее агрегированным выражением благосостояния (чаще всего в качестве такового берется среднедушевой денежный доход), и по отношению к нему рассчитываются различные индикаторы неравенства. Среди общепринятых следует назвать используемые Росстатом коэффициент фондов (децильный или дифференциации доходов) и индекс Джини (концентрации доходов). Они строятся на основе вариационного ряда среднедушевого денежного дохода (т. е. на основе последовательности упорядоченных по возрастанию значений дохода с указанием частоты встречаемости каждого значения). Коэффициент фондов «характеризует степень социального расслоения и определяется как соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами и 10% населения с самыми низкими доходами». Индекс Джини «характеризует степень отклонения линии фактического распределения общего объема денежных доходов населения от линии их равномерного распределения. Величина индекса может варьироваться от 0 до 1, при этом, чем выше его значение, тем более неравномерно распределены доходы в обществе»⁷.

Источниками данных для исследований уровня жизни, проводимых российскими учеными, чаще всего являются статистические материалы Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS) и бюджетные обследования домашних хозяйств Росстата. Представленное ниже исследование базируется на использовании как агрегированных, так и похозяйственных данных бюджетных обследований Росстата. Агрегированные данные ежегодно публикуются в бюллетене «Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств», данные по домохозяйствам (похозяйственные данные) доступны на сайте <http://www.micro-data.ru>.

Необходимо отметить, что в официальных публикациях Росстата приводится весьма ограниченное количество показателей в разрезе «город – село»; показатель доходов в их число не входит. Современная методология статистических наблюдений, используемая Росстатом, определяет макроэкономический показатель дохода в системе национальных счетов; он исчисляется как общая сумма денежных средств, выплаченная участникам производства, и включает «доходы лиц, занятых предпринимательской деятельностью, выплаченную заработную плату наемных работников, социальные выплаты, доходы от собственности в виде процентов по вкладам, ценным бумагам, дивидендов и др.»⁸.

Таким образом, макроэкономический подход в определении дохода исключает возможность его расчета по отдельности для города и для села.

Единственным источником по доходам сельских жителей являются материалы бюджетных обследований, в которых денежный доход «исчисляется как сумма денежных расходов и прироста (уменьшения) финансовых активов в период обследования... Показатель денежного дохода домохозяйств трактуется как объем денежных средств (без привлечения ранее накопленных или заемных), которыми располагали домохозяйства для обеспечения своих расходов и создания сбережений без привлечения ранее накопленных или заемных средств в период обследования»⁹.

Итак, макроэкономический подход к доходу как к сумме доходов, получаемых из всевозможных источников, и микроэкономический подход к доходу как к сумме расходов, сделанных за отслеживаемый период без учета расходов ранее накопленных средств, различаются на концептуальном уровне. Это приводит к несоответствию получаемых данных: размер среднедушевого денежного дохода как составной части располагаемых ресурсов, рассчитанных в рамках бюджетных обследований, составляет 60–70% от размера денежного дохода как макроэкономического показателя, рассчитанного в системе национальных счетов. Для исследования уровня жизни предпочтительнее подход, принятый в бюджетных обследованиях, так как он дает представление о реальных возможностях домохозяйства, а не гипотетических, определяемых имеющейся в его распоряжении суммой денег, кроме того, он позволяет провести территориальный разрез выборки, выделив в ней отдельно городское и сельское население.

Снижение уровня жизни было неизбежной платой за переход к рыночной экономике и являлось социальной издержкой системных реформ. Особенно существенным снижением уровня жизни

было в сельской местности¹⁰. С начала 1990-х и до середины 2000-х гг. отношение денежных доходов сельского и городского населения (в расчете на члена домохозяйства) колебалось в пределах 45–50%. С 2005 г. доходы сельского населения России увеличиваются быстрее, чем городского: в 2005 г. они составляли 49% от доходов горожан, в 2009 г. – 56%, в 2011 г. – 61% (рис. 1).

Наличие похозяйственных данных за 2003–2009 гг. позволяет построить интервальные распределения путем группировки исходных данных по правилам математической статистики и провести более подробный анализ динамики уровня жизни. При этом частоты значений вариационного ряда, попавшие в некоторый интервал, суммируются, их сумма становится новым значением частоты, и это значение идентифицируется со средним значением дохода на интервале. Полученная таким образом функция является *эмпирической плотностью распределения*¹¹.

На рис. 2 представлены кривые эмпирической плотности распределения городского, сельского и всего населения Российской Федерации по размеру месячного среднедушевого денежного дохода за 2003–2009 гг. Графики демонстрируют явные различия в уровне дохода: его модальное значение (наиболее часто встречающееся) в селе ниже, чем в городе; сельская кривая сдвинута влево, в сторону меньших доходов. Тем не менее, хотя распределение селян расположено левее, чем горожан, оно все же не образует отдельного пика на их совместном распределении. Небольшие локальные пики, заметные в хвосте совместного распределения, полностью объясняются неоднородностью городского социума, что является отражением большего уровня неравенства в городе по сравнению с селом и наличием в городе сложившихся социальных групп, отличающихся высоким уровнем жизни.

На рис. 3 представлены те же кривые, что и на рис. 2, но сгруппированные таким образом,

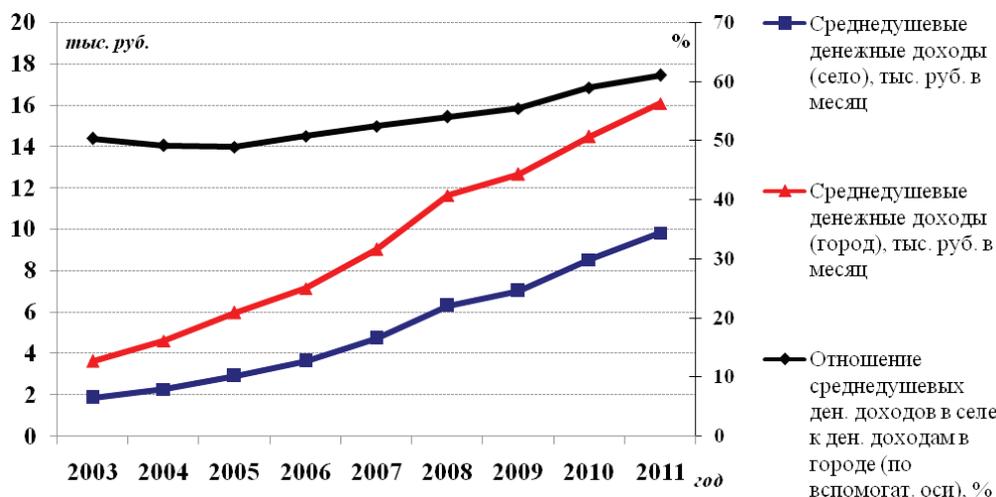

Рис. 1. Динамика среднедушевых денежных доходов в городе и селе в 2003–2011 гг.

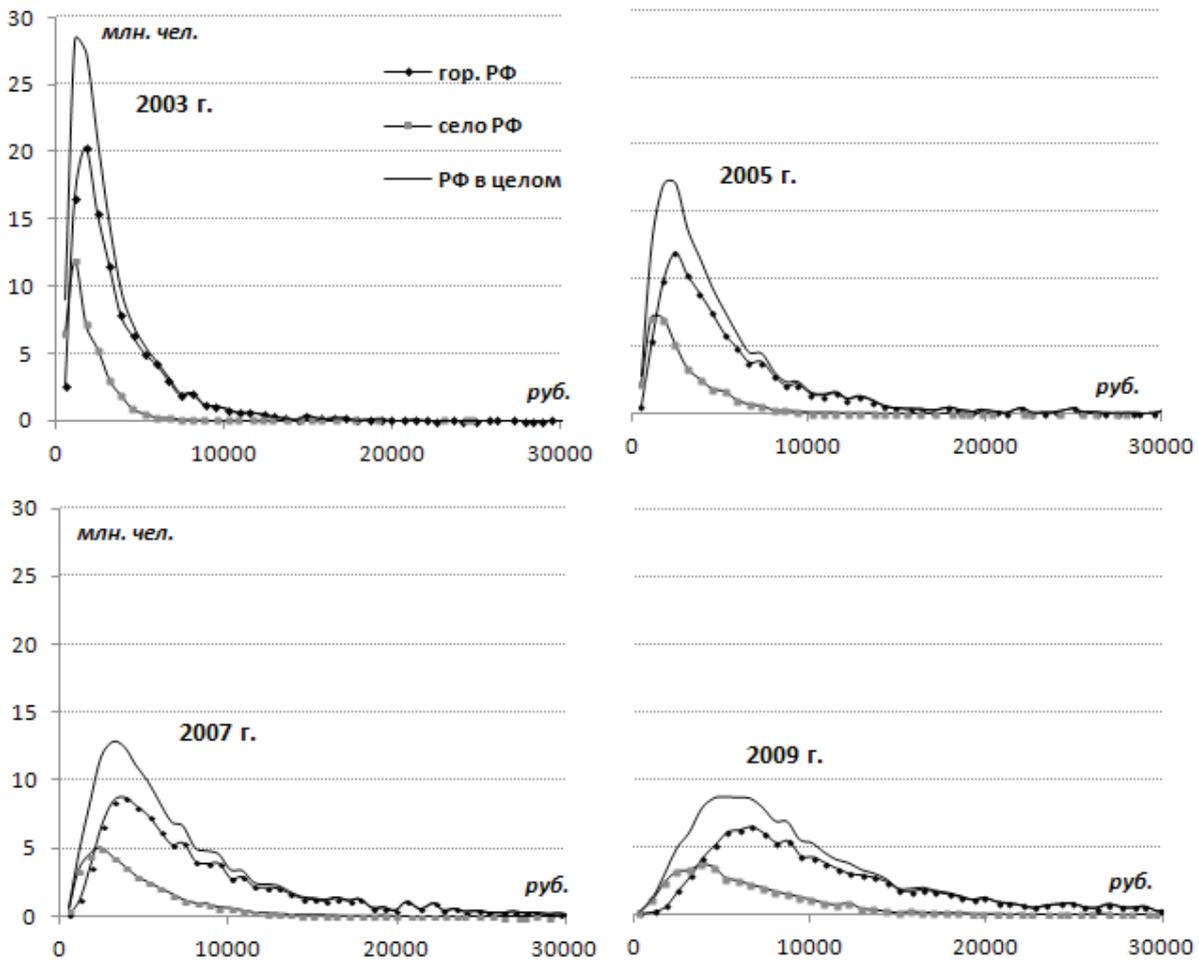

Рис. 2. Плотность распределения городского, сельского и всего населения Российской Федерации по размеру месячного среднедушевого денежного дохода за 2003–2009 гг.

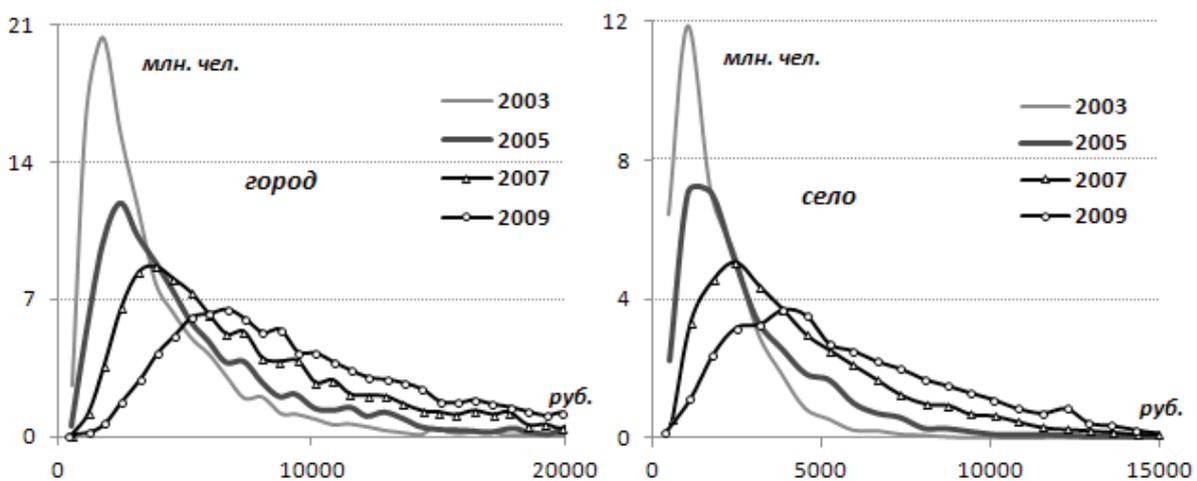

Рис. 3. Динамика эмпирических плотностей распределения городского и сельского населения по размеру месячного среднедушевого денежного дохода за 2003–2009 гг.

чтобы облегчить визуальный анализ их годовой динамики.

Визуальный анализ показывает, что кривые доходов как по городу, так и по селу с течением времени становятся более пологими и сдвигаются вправо. Происходит перенос вершины распределения вправо-вниз с одновременным поднятием хвоста распределения. Фактически это означает общий рост доходов, в значительной мере определяемый их ростом у наиболее многочисленной группы домохозяйств, расположенных в модальном интервале. Благодаря росту доходов в этой группе мода (абсцисса вершины) распределения смещается вправо. При этом некоторая часть домохозяйств из модального интервала увеличивает свои доходы быстрее, и это способствует уменьшению высоты сместившейся вправо вершины и поднятию хвоста. Распределение как бы растекается, «расползается» вдоль оси дохода.

Динамика, при которой распределения с течением времени «расползаются», а их вершины

смещаются вправо по оси доходов, представляется наиболее естественной, учитывая, что в реальной жизни всегда происходит общий рост *номинальных* доходов, отражая либо рост уровня жизни, либо опережающий рост инфляции. Простое «расползание» графика, без его смещения вправо, означало бы одновременный рост номинальных доходов и неравенства. «Расползание со смещением» отражает ситуацию роста номинальных доходов и необязательно – роста неравенства. Формальные оценки доходов и неравенства приведены в таблице, из которых видно, что рост номинальных доходов в 2003–2005 гг. сопровождался ростом, а в 2007–2009 гг. – сокращением неравенства. Это означает, что в 2003–2005 гг. номинальные доходы семей из высокодоходных групп росли быстрее, чем семей из низкодоходных групп: богатые становились богаче, бедные – беднее. Затем тенденция изменилась: доходы бедных стали расти быстрее, а рост доходов богатых затормозился.

Динамика денежного дохода и некоторых показателей неравенства по городской и сельской местности в 2003–2009 гг.

Годы	Среднедушевой денежной доход, руб. в месяц		Коэффициент фондов		Индекс Джини	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село
2003	3638	1868	13,6	13,9	0,411	0,392
2005	5770	2890	14,9	13,7	0,423	0,398
2007	9017	4717	14,0	13,5	0,418	0,393
2009	12209	6780	13,1	12,7	0,401	0,375

Заметим, что неравенство в сельской местности практически всегда – и в периоды роста, и в периоды сокращения – было ниже, чем в городе: индекс Джини, вплотную приблизившись к «психологическому» уровню 0,4 в 2005 г., так и не преодолел его, отступив в дальнейшем. Уровни благосостояния самых богатых и самых бедных в селе ближе, чем в городе (за исключением 2003 г.). В целом, однако, разница в степени неравенства селян и горожан весьма незначительна, хотя и стабильна. Разница в доходах гораздо существеннее, хотя и сокращается в последние годы: за период 2003–2009 гг. доходы горожан выросли в 3,36, селян – в 3,63 раза.

Чтобы оценить качество роста номинального дохода – выяснить, действительно ли он отражает рост уровня жизни или инфляционный рост поглощает его, необходимо сопоставление дохода с величиной ПМ. Подобное сопоставление позволяет снизить влияние инфляции, меняющей покупательную способность денег, и демонстрирует реальную динамику уровня жизни.

Так как размеры ПМ сильно различаются по регионам РФ, то для получения показателя *реального* дохода значения среднедушевого дохода по каждому домохозяйству были поделены на соответствующую региональную (а не на среднюю по РФ, как это делается в агрегированных

показателях Росстата) величину ПМ, взятую за IV квартал рассматриваемого года.

На рис. 4 представлена плотность распределения городского и сельского населения по показателю среднедушевых денежных доходов, соотношенным с величиной ПМ. По оси абсцисс откладывается показатель *реального* среднедушевого дохода, выраженного в «количестве величин ПМ»; в такой форме он корректнее оценивает уровень жизни, чем номинальный доход. Для удобства визуализации на графиках проведена вертикальная прямая, соответствующая уровню среднедушевых доходов в один ПМ.

Очевидно, кривые на рис. 4, по сути, аналогичны кривым на рис. 3: среднедушевые денежные доходы, сформировавшие кривые на рис. 3, были поделены на величину прожиточного минимума – свою для каждого региона. Такая нормировка данных привела к существенным изменениям как формы, так и годовой динамики кривых: высота вершины с течением времени меняется незначительно и не всегда в сторону уменьшения (например, по городу в 2009 г., по селу в 2007 г.); заметного сдвига кривых вправо, за редким исключением, не наблюдается. Подобная динамика свидетельствует о том, что *реальные* доходы и вместе с ними уровень жизни выросли не так значительно, как номинальные

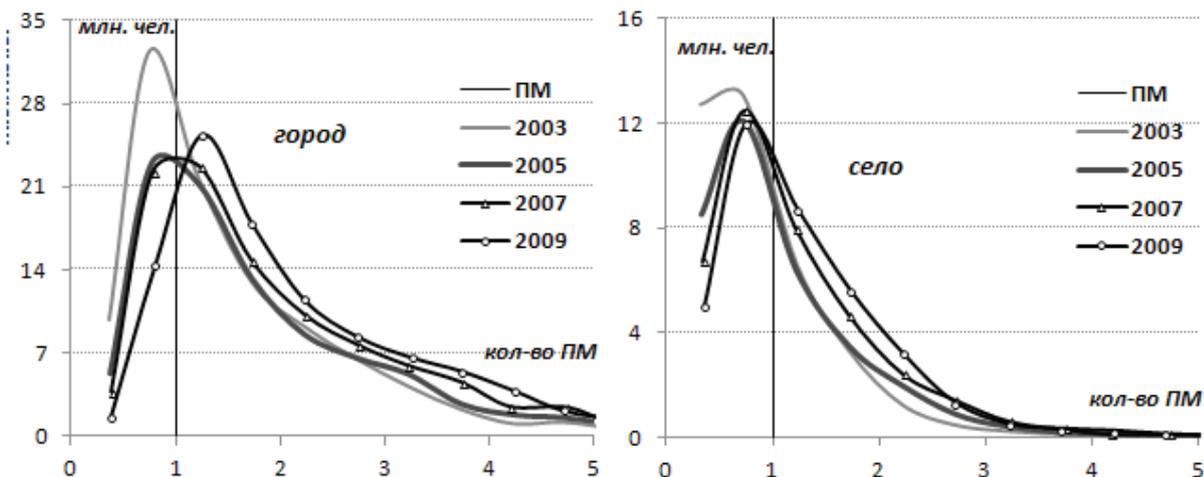

Рис. 4. Динамика плотностей распределения городского и сельского населения РФ по показателю соотношения среднедушевого месячного денежного дохода и ПМ

доходы (за 2003–2009 гг. в среднем в 1,42 раза у горожан и в 1,47 раза у селян). При этом по сельской местности общая динамика в целом более медленная, чем в городе: наиболее многочисленная группа сельских домохозяйств практически не увеличивает свои реальные доходы, и ее численность почти не меняется.

В то же время тенденция сокращения численности крайне бедных и по городу, и по селу также проявляется при анализе как номинальных, так и реальных доходов (см. поведение крайних левых точек на графиках: они в каждый последующий год становятся ниже, рис. 3 и 4). Очевидно, часть крайне бедных переходит в группы более высокой доходности (см. поведение хвостов распределений: они с течением времени становятся выше, см. рис. 3 и 4).

Итак, показатели среднедушевого денежного дохода и его соотношения с величиной прожиточного минимума (соответственно номинального и реального дохода) эффективны для оценок уровня жизни. Проведенный анализ на их основе привел к следующим выводам:

– реальный и номинальный доходы растут. При этом первый растет быстрее, чем второй, и оба вида доходов сельского населения растут быстрее, чем городского;

– неравенство и в городе, и в селе очень значительно. При этом неравенство городского населения несколько выше, чем сельского;

– разница в уровне доходов и неравенства не приводит к распаду социума: совместное распределение городского и сельского населения полностью «поглощает» их отдельные распределения.

Примечания

¹ Система экономико-математических моделей для анализа и прогноза уровня жизни / под ред. Н. П. Федоренко и Н. М. Римашевской. М., 1986. С. 34.

² Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М., 1997. С. 351, 145. См. также: Жеребин В. М., Ермакова Н. А. Уровень жизни населения – как он понимается сегодня? // Вопр. статистики. 2000. № 8. С. 3–11.

³ См.: Российский статистический ежегодник : стат. сб. / Росстат. М., 2012. С. 210–211.

⁴ См., например, один из таких отчетов: Бобков В. Н., Гулюгина А. А. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России : июль-сентябрь 2012 года // Уровень жизни населения регионов России. 2012. № 12. С. 3–108.

⁵ См.: Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга. 1999–2012 гг. (вып. 1–14). М., 2000–2013.

⁶ См.: Кочетов А. Н. Профессиональное образование и рынок труда // Социс. 2011, № 5. С. 82–90; Шабанов В. Л. Оценки качества жизни сельского населения с использованием статистики бюджетов времени // Региональные агросистемы : экономика, социология. 2011. Вып. 2. URL: <http://iagpran.ru/datas/users/73a18dfced8bc486e6809fd39a414add.pdf> (дата обращения: 15.09.2013); Ильинская Е. В., Рубцова В. Н., Шабанов В. Л. Приоритетные направления развития сельского здравоохранения Саратовской области // Агропродовольственный комплекс региона в условиях глобализации / под ред. И. Ф. Сухановой. Саратов, 2013. С. 372–382; Нагимова А. М. Теоретические подходы к исследованию проблемы качества жизни // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 4. С. 3–6.

⁷ Российский статистический ежегодник. С. 211.

⁸ Там же. С. 210.

⁹ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2011 году (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) : сб. ст. / Росстат. М., 2012. С. 11.

¹⁰ См.: Самсонов В. Б., Шабанов В. Л. Самоорганизация сельского домохозяйства // Социс. 1999. № 3. С. 46–51.

¹¹ См.: Рабочая книга социолога / под ред. Г. В. Осипова. М., 1983. С. 103–105.

УДК 331.105.44

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НАЗНАЧЕНИЕ И РОЛЬ ПРОФСОЮЗОВ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

М. М. Сунарчина

Башкирский государственный аграрный университет, Уфа
E-mail aniram.m@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные проблемы социально-экономического назначения и роль российских профсоюзов в современных условиях, а также анализируются различные позиции ученых относительно места и роли профсоюзов в условиях рыночных преобразований.

Ключевые слова: профсоюзы, экономическая социология, социальный институт, социальное партнерство, система социальной защиты, социально-трудовые отношения.

Social-economic Purpose and Role of Trade Unions in Market Economy

М. М. Sunarchina

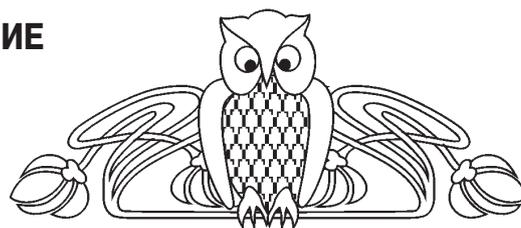
In article actual problems of social and economic purpose and a role of the Russian trade unions in modern conditions are considered, as well as various positions of scientists concerning seat and roles of trade unions in conditions of market transformations are analyzed.

Key words: Trade unions, economic sociology, social institute, social partnership, system of social protection, sociolabor attitudes.

Издержки и сложности неолиберальных реформ, проводимых более тридцати лет, традиционно ложатся на плечи простых работников, существенно ухудшая социально-экономические показатели их жизнедеятельности, усугубляя трудовые, демографические, национально-этнические и духовно-нравственные проблемы. В этих условиях актуализация роли профсоюзов как института социальной защиты работников становится крайне востребованной обществом в роли важнейшего социального партнера государственных и предпринимательских структур в регулировании социально-трудовых отношений и формировании социально ориентированной рыночной экономики.

В современной научной литературе сегодня широко обсуждаются социологические и экономические аспекты деятельности функционирования российских профсоюзов, в частности, проблемы становления профсоюзов как института социальной защиты работников. Роль и социальное назначение профсоюзов рассматриваются в рамках социологии профсоюзного движения – одного из важнейших направлений экономической социологии.

В этой связи социологи, например, изучают роль профсоюзов как социального института, института гражданского общества и системы со-

циальной защиты работников, института социального партнерства и регулирования социально-трудовых отношений. Кроме того, социологи исследуют роль профсоюзов в преодолении и разрешении трудовых конфликтов на производстве между работниками и работодателями посредством коллективно-договорной практики, в которых коллективные договоры между профсоюзами и работодателями представляют собой «институты ведения переговоров и сглаживания разногласий между работодателями и наемными работниками»¹.

В этой связи заслуживает внимание суждение Э. Гидденса о том, что профсоюзы выступают как «средство устранения дисбаланса власти между рабочими и работодателями. Если отдельный рабочий сам по себе почти не имел влияния, то с помощью коллективной организации это влияние возрастало. Предприниматель может обойтись без конкретного рабочего, но без труда всех или большинства он не обойдется»².

Экономисты в своих исследованиях, касающихся профсоюзов, в основном рассматривают их, как одного из объективно существующих факторов в рыночной экономике, в качестве представителя и защитника социально-трудовых интересов наемных работников. Профсоюзы, по их мнению, являются частью «распределительных коалиций», которые ограничивают свободное ценообразование на рынке труда, способствуя искусственному сдерживанию численности рабочего класса, что порой является причиной нерационального распределения трудовых ресурсов или даже тормозом для внедрения новых технологий и инноваций в производство. Некоторые ученые неолиберальной ориентации полагают, что увеличение зарплаты членов профсоюза по сравнению с не членами профсоюзов может приводить к снижению эффективности экономики и иметь негативные последствия для всего общества³, служить препятствием развитию свободных рыночных отношений и росту экономики в целом.

Будет справедливым отметить, что экономисты подчеркивают такие позитивные аспекты, как «эффект шока» и сокращение «текучести кадров» в управлении производством, которое способствует развитию неорганизованного обучения и формированию дополнительных («со-